

ПРИНЦИПЫ ОБЩЕЖИТИЯ НАРОДОВ

Валерий СОЛОВЕЙ

Современный русский национализм: идейно-политическая классификация

В контексте современной этнополитической ситуации, складывающейся в бывшем Советском Союзе, русскому национализму¹, безусловно, принадлежит особое место. Развивавшийся вплоть до последнего времени с изрядным отставанием от национальных движений в других республиках он вступает сейчас в фазу развертывания и реализации своих гигантских возможностей. Их сила и мощь определяются в конечном счете силой и значимостью самого русско-российского фактора: РСФСР — самая большая, наиболее индустриально и технологически развитая и обладающая огромными природными ресурсами республика; живущие в ней русские являются не только самой большой нацией в «своей» республике, но и самой большой нацией в СССР; русские зачастую составляют ядро рабочего класса и костяк инженерно-научного корпуса в других республиках; офицерский корпус страны укомплектован преимущественно русскими, и т. д.

Однако ни русско-российский фактор, ни, тем более, современное русское национальное движение до сего времени не стали объектом постоянного и пристального внимания со стороны профессионалов — этнологов, историков, политологов, экономистов, правоведов, социологов и т. д. Пока что можно отметить лишь одну попытку, не отличающуюся ни хорошим знанием конкретного материала, ни научным осмыслением феномена современного русского национализма. Это статья юриста В. Мунтяна «Некото-

¹ Автор использует термин «национализм» не в одиозном, советском, а в принятом в мировой научной традиции смысле — как нейтральное понятие, обозначающее объективный процесс, характер и направленность которого могут быть различными. «Национализм» при этом трактуется автором расширительно — не только как понятие собственно этническое, национальное, но и как включающее государственно-территориальное, патриотическое начало. В этом смысле для обозначения русского национализма может также использоваться термин «русское национально-патриотическое движение». О национализме см. G e l l e n e r g E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; K e d o u r i e E. Nationalism. London, 1966; K o h n H. The Idea of Nationalism. New York, 1967; M i n o g u e K. R. Nationalism. London, 1967; S e t o n - W a t s o n H. Nationalism and Communism. New York, 1964; S m i t h A. D. Theories of Nationalism. London, 1983; I d e m. The Ethnic Origins of Nations. London, 1988, а также Ю х н ё в а Н. Договоримся о терминах. «Звезда», 1990, № 2.

Соловей В. Д. — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории России РАН.

рые проблемы русского национального движения»². Тема русского национализма остается почти безраздельной вотчиной журналистов, многочисленные публикации которых, как правило, поверхностны и конъюнктурны. Исключение, пожалуй, составляют в какой-то мере статьи В. Прибыловского³.

На Западе с начала 70-х годов существует устойчивая традиция изучения русского национализма⁴. Бесспорны приоритет и вклад зарубежных коллег в разработку этой проблематики. Однако в настоящее время существенное изменение политического климата в нашей стране, с одной стороны, и затрудненность доступа за ее пределами к обширным материалам националистического «самиздата» — с другой, ставят советских исследователей в гораздо более выгодное, по сравнению с западными учеными, положение. Характерной слабостью последних западных работ⁵, полностью или частично посвященных анализу современного (начиная с 1985 г.) русского национализма, является чрезвычайно скудная источниковая база. К сожалению, статья В. Мунтяна и А. Родионова⁶ не дает адекватного представления о направленности, масштабах и глубине исследований современного русского национализма на Западе: вопреки названию в ней речь идет не столько о русском национальном движении, сколько о русском факторе вообще.

Хотя вопрос о причинах русского национализма, как и причинах национального взрыва в СССР вообще — это предмет специального изучения, совокупность опубликованных в последние 2—3 года материалов дает основание предполагать, что они коренятся в бедственном социально-экономическом

²См. «Неформалы: Кто они? Куда зовут?» М., 1990. Значительную по объему информацию о крупнейших руссконационалистических организациях содержит двухтомник «Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Справочник». М., 1991

³См. Прибыловский В. Что такое объединение «Память». «Русская мысль», 31 июля 1987; его же. Что мы знаем о «Памяти». «Содействие», 1990, № 7(23); его же. «Память»: Опыт предварительного описания. «Панорама», 1990, №№ 8, 9, 10, 14; его же. Россия без царя в голове. «Панорама», 1990, 12; его же. Метастазы: Краткий путеводитель по «Памяти». «Собеседник», 1990, № 49; его же. Гражданская война еще не сегодня. «Панорама», 1991, № 15; его же. «Память»: Опыт предварительного описания. «Пульс-Информ», 1991, № 3; его же. «Память»: История движения. (Неопубликованная рукопись, 1990.)

⁴Наиболее полная библиография по этой проблеме содержится в диссертации английского ученого Питера Данкина. См. Duncan P.J.S. Russian Messianism. A Historical and Political Analysis. University of Glasgow. Institute of Soviet and East European Studies, 1989.

⁵См. Yanov A. Two Currents of the Russian Nationalist Ideology. «Paper presented at the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies». Harrogate, Yorkshire, Great Britain, 1990, July 21—26; Carter S. K. Russian Nationalism: Yesterday, Today, Tomorrow. London, 1990; Duncan P.J.S. The party and Russian Nationalism in the USSR: from Brezhnev to Gorbachev. «The Soviet Union Party and Society». Cambridge, 1988; Idem. The Phenomenon of Russian Nationalism Today. «Nationalism in the USSR-Problems of Nationalities». Amsterdam, 1989.

Dunlop Дж. (Dunlop John), Хаммер Д. (Hummer Darnell), DP. Су АН и (CUNY Ronald), Синявский АН., Янов А. Доклады на конференции Американской ассоциации славянских исследований в Гонолулу, 1988, ноябрь; Russian Nationalism Today «Radio Liberty Research Bulletin» (Special Edition). 1988, December 19; Dunlop J. Pamlat as a Social Movement. "Nationalities Papers" (Special Issue); "A Symposium on Social Movements in the USSR. 1990 (Fall)", Vol. XVIII, № 2; Idem. The Return of Russian Nationalism. «Journal of Democracy» 1990, Vol. 1, № 3 (Summer); Idem. The Russian Orthodox Church and Nationalism After 1988. «Paper presented at the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies». Harrogate, Yorkshire, Great Britain. 1990, July 21—26; Spechler D. R. Russian Nationalism and Soviet Politics». Boulder, San Francisco, Oxford 1990 См также Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988 (главы монографии были опубликованы в журнале «Нева», 1990, №№ 9-12). Русскому варианту книги предшествовала английская версия: Yanov A. The Russian Challenge and the Year 2000 Oxford 1987; Крайнов В. «Память» и русская проблема. «Посев», 1989, № 6.

⁶Мунтян В., Родионов А. Западные советологи о русском национальном движении. «Общественные науки и современность», 1991, № 3.

ческом, демографическом и вплоть до последнего времени в политически неравноправном положении России и ее стового хребта — русского народа. В результате глубочайшего кризиса русский этнос оказался перед перспективой постепенного вымирания, а Россия — на грани распада и гибели. Из этого следует, что русский национализм есть не что иное, как проявление *инстинкта этнической самозащиты* русского народа или, говоря словами А. Солженицына: «Сегодня русский порыв к национальному самосознанию — есть оборонительный вопль тонущего народа... Как нация мы, русские, находимся в пучине гибели и ищем — есть ли еще, за что уцепиться и выбраться»⁸.

Русский национализм *в основе* своей носит защитный характер. Именно защитный, а не охранительный. Однако мощный позитивный импульс, питающий русский национализм, отнюдь не исключает как наличия в нем радикальных и экстремистских проявлений — нежелательных, но неизбежных во всяком широком национальном и политическом движении, — так и принципиальной возможности усиления этих тенденций и превращения их в соответствующем идейно-политическом, социально-экономическом и психологическом контексте в магистральное направление русского национализма.

Важным с методологической точки зрения представляется вопрос об отличительных особенностях, позволяющих выделять именно руссконационалистические формирования из захлестнувшей страну политической волны. Автором использовались три критерия. Главный — наличие в программных документах и (или) практической деятельности организации идеи национального выживания русского народа и возрождения России как доминирующей идеи.

Второй — самоназвание (использование в наименовании организации слов «национальный», «национально-патриотический», «патриотический») и самохарактеристика формирования (дается в программных и агитационных документах, интервью, личных беседах).

Хотя в настоящее время вряд ли можно разделить мнение американского советолога Д. Хаммера о русском национализме как, скорее, об особом состоянии ума, чем четко определенной идеологии (эта точка зрения справедлива по отношению к 1988 г., когда она была высказана)⁹, нельзя не отдать должное западному исследователю, нащупавшему еще один возможный и перспективный критерий выделения русских национальных организаций — русский национализм как эмоциональная общность, как проявление некоторых специфических черт менталитета и психики.

При разработке классификации русского национализма по основным направлениям деятельности автором использовались некоторые идеи, вы-

⁷ Бернштам М. Сколько жить русскому народу. «Москва», 1990, № 5. Дискуссию по статье Бернштама см. «Москва», 1990, № 8; Воробьевский Ю. Союз нерушимый? «Москва», 1990, № 3; Гончаров П. Куда идти России. «Наш современник», 1990, №11; Козлов В. «Имперская» нация или ущемленная национальность. «Москва», 1991, № 1; Ленденев Д. Что ждет Россию? Там же, № 8; Литвинова Г. Свет и тени прогресса: социально-демографические проблемы СССР. М., 1989; Старший или равный. «Наш современник», 1989, № 6; Бюджет не по росту. «Родина», 1990, № 1; М и л о с е р д о в В. В. Ох уж это сальдо! Тугие узлы межреспубликанского обмена. «Литературная Россия», 3 августа 1990; Никитин И. Суверенное право... О «коренных» и «некоренных» народах и «обновлении» нашей федерации. «Москва», 1991, №№ 4, 6; По ра, наконец, и России взять слово! (Материалы совещания Российского депутатского клуба). «Литературная Россия», 15 декабря 1989; Россия живет хуже, чем работает («круглый стол» в редакции журнала). «Наш современник», 1990, № 1; Русская нация в союзе народов СССР (Материалы научно-практической конференции), Куйбышев, 1990; Русский вопрос: в поисках ответа («круглый стол» в редакции журнала). «Москва», 1990, № 4; Ф о м и н С. Бесхозный суверенитет. «Москва», 1991, № 2, и др.

⁸ Цит. по: «Молодая гвардия», 1989, № 5, с. 230—231.

Hammer D. Glasnost and «The Russian Idea». «Russian Nationalism Today». Radio Liberty Research Bulletin (Special Edition). 1988, December 19, p. 12.

сказанные во вступительной статье к справочнику «Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы», но с учетом существенной специфики объекта исследования. Были выделены следующие структуры:

1) экологические группы и организации (общественный комитет спасения Волги, общественный комитет «Нева—Ладога—Онега»*);

2) культурно-просветительские и историко-культурные объединения (ассоциация любителей отечественной словесности и культуры «Единение», Всероссийский фонд культуры, Союз духовного возрождения Отечества, Товарищество русских художников, историко-патриотические общества «Белый город» и «Русское знамя»);

3) религиозно-просветительские организации (многочисленные православные братства, объединенные в Союз Православных Братств);

4) научные центры (ассоциация по комплексному изучению русской нации, Российская народная академия);

5) коммуналистские движения и группы (движение за местное самоуправление. «Перовское вече»);

6) военно-патриотические и спортивно-патриотические формирования (группа славяно-горицкой борьбы, российский центр славянских боевых искусств «Тризна»);

7) организации, пытающиеся возродить былые российские сословия: казачество (Союз казаков и многочисленные региональные казачьи войска, общины и центры), дворянство (Дворянское собрание России и естные дворянские собрания), купечество (Союз русского купечества), мещанство (Общество русских мещан);

8) организации, занимающиеся лечением пьянства и табакокурения, альтернативной и народной медициной, пропагандирующие здоровый образ жизни (Союз борьбы за народную трезвость).

Особо следует выделить политические или высокой степени политизированности формирования, которые видят свою *главную* задачу в активном воздействии на происходящие в стране политические процессы и пытаются в той или иной форме бороться за соучастие во власти или за всю ее полноту. В дальнейшем речь пойдет почти исключительно об этих организациях.

Приведенная классификация по сферам основного приложения сил носит статичный характер. Она не учитывает динамику движения, которое переживает бурный процесс политизации, и полифункциональный характер большинства националистических организаций и объединений. Схема политизации выглядит приблизительно следующим образом: те или иные факторы (чаще всего избирательные кампании) вынуждают неполитическую или малополитизированную организацию занимать вполне определенную политическую позицию и на какое-то время активно включаться в политические процессы; по мере того как причина, давшая толчок политической активности, исчезает, организация возвращается к прежней деятельности, но уже неся отпечаток пережитых страстей и бурь; накопление этих импульсов приводит в конечном счете к значительному расширению поля деятельности организации.

Отдельные политические формирования по тактическим соображениям скрывались за культурологическими вывесками: в то время, когда они начинали свою деятельность, нельзя было создавать явно политическую организацию, не вступая в противоречие с 6-й статьей Конституции СССР.

Многие организации не ограничиваются лишь одной сферой деятельности. В большей степени это относится к российской периферии, где, в отли-

* Здесь и далее в качестве примеров приводятся типичные и наиболее влиятельные организации

чие от Москвы и Санкт-Петербурга, невозможна сравнительно узкая и организационно оформленная специализация, а потому в рамках одного формирования, как правило, объединяются патриоты-экологи, культурно-просветительские и историко-патриотические группы, клубы здорового образа жизни и военно-спортивные и т. д. Сообща они организуют различные политические мероприятия. Принципиально полифункциональный характер носят казачьи организации, сочетающие экономические, культурно-просветительские и военно-спортивные функции с усиливающимся политическим началом.

Анализ идейно-политического спектра русского национализма значительно затруднен из-за динамичности и незавершенности происходящих в нем процессов (идет активный поиск привлекательных идеологем), его определенной идейной аморфности (более или менее четкая идейно-политическая дифференциация прослеживается лишь с 1989 г., а идеология значительной части провинциальных групп остается расплывчатой и по сей день) и программной эклектичности. Выделяя идеологемы и распределяя националистов по секторам политического спектра, автор отдает себе отчет в невозможности втиснуть многокрасочный, внутренне противоречивый, пульсирующий русский национализм в рамки даже самой подробной схемы.

Значительная часть руссконационалистических организаций придерживается православно-монархических позиций, а их идейное кредо выражается чеканной формулой «самодержавие, православие, народность», выдвинутой графом С. Уваровым в 30-х годах XIX века.

Какое же содержание вкладывают в эти понятия современные его последователи? В их понимании православие представляет собой духовную основу жизни русского народа и Российского государства, а потому возрождение России и русских невозможно без возрождения православия. Монархия — единственная форма государственного устройства, носящая сакральный характер (царь — помазанник Божий) и, следовательно, наилучшим образом подходящая для России. Под «народностью» подразумевается верность историческим и национальным традициям русского народа — создателя Российской империи, единение народа с монархом и национальное единство. Для православных монархистов русские суть триединая нация с этнографическими различиями внутри (великороссы, малороссы, белорусы).

Хотя большинство современных монархических организаций (около 70) и вошло в созданное в сентябре 1990 г. Предсоборное совещание, монархический лагерь далеко не един. Водораздел внутри него проходит по таким линиям, как будущее государственного устройства и отношение к личности возможного монарха.

Незначительное меньшинство, представленное Православным монархическим орденом-союзом (ПРАМОС) во главе с С. Юрковым-Энгельгардтом, С.-Петербургским монархическим центром и некоторыми другими группами, выступает за *конституционную* монархию. Не всегда ясно, какое содержание вкладывается в это понятие. Так, в трактовке ПРАМОСа речь идет вовсе не о парламентарной монархии современного европейского образца, под конституцией имеется в виду Манифест Николая II от 17 октября 1917 года. Однако даже эта незначительная уступка «исторически чужеродным России западным выдумкам» в виде конституции или, упаси Боже, парламента, вызывает категорическое неприятие и раздражение большинства ортодоксальных монархистов.

Свой государственный идеал они усматривают в допетровской России: сильная самодержавная власть, сочетающаяся с авторитетной православной церковью и широким местным самоуправлением. Допускается существование законосовещательных (Земский собор, Государственный совет), но ни в

кчем случае не законодательных органов. К числу наиболее известных представителей этого направления современного монархизма относятся Московская дружина Российского народного ополчения во главе с иеромонахом о. Дионисием, считающая себя частью Российского имперского союз-ордена (РИСО) с центром за границей, Национально-патриотический фронт (НПФ) «Память» Д. Васильева, Православное монархическое согласие (ПМС), лидер Ю. Соколов, Союз «Христианское возрождение» (СХВ), лидер Е. Пашнин.

Серьезные противоречия и ярые дискуссии вызывает в монархическом стане вопрос о личности будущего российского монарха. В этом отношении они делятся на легитимистское большинство, считающее необходимым восстановление на троне династии Романовых, но обязательно через призвание его Земским собором, и небольшую группу сторонников смены династии Земским же собором.

В свою очередь, легитимисты распадаются на две группы: выступающих за легитимный принцип *вообще* (позиция Предсоборного совещания) и легитимистов-«кироллоуцев», считающих единственным законным наследником престола Великого князя Владимира Кирилловича (ПРАМОС, ПМС, РИСО, С.-Петербургский монархический центр).

Православные монархисты явно занимают место на правом фланге руссконационалистического политического спектра. Они могут быть определены как традиционные правые, т. е. правые, чья идеология зиждется на двух постулатах — православие и монархизм. Классическая система традиционных правых ценностей представляет иерархическую лестницу: Бог, император, империя, нация, семья, личность.

Наряду с традиционными правами в русском национализме существуют и набирают силу новые правые, отказавшиеся от традиционной идеологии и нашедшие или ищущие новый идеологический фундамент. Термин «новые» носит в данном контексте функциональный характер, поскольку выдвигаемые ими идеи, как правило, не являются чем-то принципиально новым для отечественной и западной интеллектуальной традиции.

Новые правые представлены достаточно широким набором идеологов. Прежде всего это имперские националисты (партия «Русское национальное единство» (РНЕ) во главе с А. Баркашовым и Русский общинный союз (РОС) А. Судавского), чье кредо также можно выразить трехчленной формулой «авторитаризм, национализм, империя». Хотя имперский принцип является одним из основополагающих и для традиционных правых, различий здесь больше, чем сходства. Во-первых, выступая за авторитарную власть, имперские националисты не видят необходимости облекать ее в монархические одежды; во-вторых, они воспринимают православие не как ключевую, основополагающую характеристику русского мирозерцания, а лишь как элемент — пусть и очень важный — традиции, которая трактуется ими максимально широко. С известной долей условности к имперским националистам может быть отнесена Либерально-демократическая партия Советского Союза. Именно благодаря апелляции к имперским и националистическим чувствам русских ее дотоле неизвестному лидеру В. Жириновскому удалось добиться феноменального результата во время выборов Президента РСФСР. Вместе с тем, если национализм РНЕ и РОСа носит органичный характер, то для Жириновского он, скорее, средство мобилизации масс. Сейчас его программа являет собой причудливую смесь крутого русского имперского национализма и либеральной экономической платформы, одобренную безудержным популизмом.

Далее, ведийцы, или венеды, предлагающие в качестве идеологической базы произвольную реконструкцию ведической (как они считают, древне-арийской) религии («Союз черных венедов» В. Кузьмина, «Союз белых ве-

недов» К. Сидарука, Национально-демократическая партия (НДП) Е. Крылова и Р. Перина). «Белые венеда» включают русское православие в контекст единой арийской традиции, рассматривая его как высшую форму ведизма. «Черные» относятся к православию сдержанно отрицательно и представляют собой не специфически синтетический — ведийский вариант, а одну из «чистых» разновидностей современного русского язычества, хотя и не разделяют воинствующие антихристианские позиции ряда радикальных неоязыческих групп.

Русское неоязычество в целом также является одним из идейных течений современного русского национализма и делится на два направления: культурно-эколого-просветительское, нацеленное на реконструкцию языческих культов и создание языческих общин, и политизированное.

Евразийство еще не стало идейной основой политических организаций и представлено преимущественно истеблишментарным эшелонм русского национализма. В 1989 г. издателями газеты «Последний полюс» была предпринята безуспешная (вышло всего два номера) попытка внести эту идеологию в националистически ориентированные массы. В интерпретации «Последнего полюса» евразийство включает такие элементы, как ориентация на Восток, а не на Запад; широко понятый традиционализм (традиционно то, что органично, что коренится в российской почве вообще, а не только лишь православие и монархизм); имперская идея и имперский народ (уже реально сформировавшийся в рамках СССР) в качестве ее носителя. Рупором идей современных евразийцев стала газета «День», редактируемая А. Прохановым.

Весьма близки к евразийству младороссы, представленные Российским народным фронтом (РНФ) В. Скурлатова. Не разделяя ни имперский принцип, ни мнение об уже существующем имперском народе, РНФ, однако, также стремится к созданию на пространствах Евразии единого полиэтнического общества, но на демократических началах. Одним из стержней идеологии РНФ стала концепция Скурлатова о безвозвратной гибели «старорусской» нации и необходимости формирования нового, «младоросского», этноса на базе дву-трех десятков пассионарных «младороссов», способных к политическому руководству. Этот тезис РНФ дополняется развернутой либеральной экономической программой «неостольпинского» образца.

Пока в советской прессе ведется дискуссия о том, возможен или нет фашизм на русской почве, и фашизм, и национал-социализм уже стали не только идеологической субстанцией, но и приобрели политически организованные формы. Следует иметь в виду, что хотя фашизм и национал-социализм — явления, близкие и тесно связанные, они отнюдь не идентичны. Очень упрощенно можно сказать, что если фашизм представляет собой одну из наиболее радикальных форм *националистической* идеологии, то национал-социализм, несмотря на свое название, базируется на *расовой*, биологической доктрине. Фашистская тенденция в современном русском национализме была представлена газетой «Народные новости», единственный номер которой вышел под девизом «За Бога, Nation, Труд» — слегка видоизмененным девизом русских фашистов в Харбине (у «харбинцев» — «Бог, Nation, Труд»). Национал-социалистическую идеологию открыто взяли на вооружение: в Москве — Национал-социальный союз во главе с В. Якушевым, в С.-Петербурге — Народно-социальная партия — Молодежный фронт. Последняя группа связана тесным родством с питерскими «венедями». И точно так же, как и они, всегда исповедовала язычество. В этом смысле интереснее московский наци Якушев, в свое время православный и активист православно-монархической «Памяти», ныне относящийся к христианству отрицательно. Отечественный национал-социализм в лице Национал-социального союза хотя и вырос из руссконационалистической сре-

ды, но, взяв на вооружение нацистскую расовую доктрину и поставив под сомнение качества и достоинства русского народа, тем самым фактически вышел за рамки русского национализма.

В условиях углубляющегося социально-экономического и политического кризиса, распада властных структур, разгорающихся межнациональных пожаров, на фоне грядущей безработицы и колоссального снижения жизненного уровня населения те или иные формы новой правой идеологии (радикализм которой будет возрастать по мере ухудшения ситуации) могут с большой долей вероятности рассчитывать на массовый политический успех. Более того, они просто обречены на него, если только новым правым удастся быстро создать разветвленную организационную инфраструктуру и бросить в массы привлекательные лозунги. Поскольку ни одна националистическая, как, впрочем, и любая другая, организация в России не способна к самостоятельной работе таких масштабов, то на повестку дня встал вопрос объединения разрозненных руссконационалистических формирований. Часть новых правых объединилась в провозглашенном в начале 1991 г. Славянском соборе, деятельность которого в значительной степени контролируется партией Баркашова. Но более любопытен новый, недавно возникший альянс — созданная в октябре 1991 г. в Москве Партия Возрождения, соединившая в одной организации православных монархистов из СХВ — пожалуй, наиболее влиятельной православно-монархической организации России, — скурлатовских «младороссов», часть Интердвижения во главе с Е. Коганом, еще несколько групп и провозгласившая в качестве программных принципов «государственность, собственность, справедливость».

От правого фланга руссконационалистического спектра перейдем к политическому центру. Автор идентифицирует его прежде всего с национально-демократическими организациями, т. е. такими, которые рассматривают демократию в качестве фундаментальной, базовой ценности и считают ее одной из своих идейных опор. В зависимости от того, как они трактуют понятие «демократия», как сочетают ее с другими программными принципами, в национально-демократическом лагере, можно выделить несколько течений.

Организации, сознательно ориентирующиеся на западную неоконсервативную модель, но с учетом русско-российской специфики. Это Республиканская народная партия России (РНПР) Н. Лысенко и Российское христианское демократическое движение (РХДД), к которым примыкают Национально-демократическое общество «Свободная Россия» и Русский общенациональный союз (РОНС). Хотя идейные установки и программные ориентиры данных формирований весьма близки, все же между ними есть и различия. Так, организации национально-государственной ориентации (РНПР и РОНС), придерживающиеся концепции ограниченной демократии, отличаются от РХДД, которое представляет собой национально-религиозное течение среди демопатриотов, акцентирующее внимание на интегрирующей роли конфессионального момента. Однако в последнее время различия стали стираться, причем эволюционирует именно РХДД, все очевиднее выдвигающее в центр внимания проблему сохранения российской государственности. Совместно с Демократической партией России (ДПР) Н. Травкина и Конституционно-демократической партией (Партией народной свободы) М. Астафьева христианские демократы создали окрашенный в национальные цвета неоконсервативный блок «Народное согласие».

Созданный РНПР Национально-республиканский блок, включающий помимо республиканцев уральское отделение Российской демократической партии и Русскую фракцию ДПР, менее влиятелен и заметно слабее «Народного согласия».

Достаточно оригинальна Славянская партия (СП) Ф, Москаленко, не только пытающаяся соединить демократические идеалы с «русской идеей», но и последовательно проводящая принцип общеславянского единства как в географических рамках бывшего СССР, так и вне его. В свою очередь, СП идейно близка к Московскому народно-патриотическому фронту (лидер Е. Дергунов), также выступающему за соединение демократической и национальной идей, но без панславистской направленности. В программы обеих этих организаций включены элементы социалистической ориентации: народовластие в советской форме и передача основных производственных фондов в собственность самоуправляющихся трудовых коллективов.

Питерская организация «Россы» представляет демократов-этноцентристов, для которых безусловным приоритетом является задача национального самоопределения русских, но именно на *демократических* началах.

Последнее обстоятельство позволяет отнести «Россов» к национально-демократическому лагерю и одновременно разграничить их с «чистыми» этноцентристами — еще одним интересным идейным течением русского национализма. Этноцентристы, как правило, не придерживаются какого-то заранее предрешенного принципа в отношении будущих форм государственно-политического устройства и социально-экономического уклада России, безразличны к конфессиональным проблемам. На первое место они выдвигают самодовлеющую проблему сохранения русских как уникального этноса с самобытной культурой, особым психическим складом и стилем мышления. В самой России число этноцентристских организаций не велико. (Наиболее известная из них — уже не существующее Национально-патриотическое объединение «Русь».) Они возникают и будут возникать преимущественно среди 25-миллионного русского населения, проживающего за пределами РСФСР, расселенного компактными группами в 14-ти бывших советских республиках и подвергающегося там усиливающемуся этническому давлению. Вписать этноцентристские организации в политический спектр пока что невозможно вследствие нечеткости их политической ориентации. Очевидно, однако, что наибольшие симпатии у них будет вызывать сильная, национально ориентированная российская власть, способная защитить интересы своих соотечественников за пределами «большой Родины» — России. А ухудшающаяся политическая, социально-экономическая и межнациональная ситуация способствует быстрому нарастанию радикальных настроений в русскоязычной среде.

Идейно близко к этноцентристскому направлению русского национализма движение за возрождение казачества, включающее множество воссозданных и возникающих вновь казачьих войск, землячеств и общин. Как и этноцентристы, казачьи организации провозглашают своей главной целью возрождение казачества с исторически присущим ему укладом жизни. Поскольку казачество рассматривается его идеологами в качестве особого народа или особой части русского народа, то казачье движение можно также определить как субэтноцентристское. Этническая самоидентификация казачества идет преимущественно по двум направлениям: принадлежность к сословию и конфессиональная принадлежность (православие). Из всех сил русского национализма казачество является наиболее организованной, но отнюдь не самой сплоченной. В нем проявляются различные политические ориентации (условно «белая» и «красная»), дополняемые внутренней междуусобной борьбой. Существует, однако, мощный фактор, сдерживающий возможный раскол казачества на течения различной политической окраски, — рост национализма среди нерусских народов Северного Кавказа.

На левом фланге руссконационалистического политического спектра формально расположен национал-большевизм — чрезвычайно интересное и внутренне противоречивое идейно-политическое образование, представляющее, собой, по определению, попытку синтезировать советский, большеви-

стский, вариант марксизма с русскими национальными ценностями. Причем соотношение этих двух элементов не устойчиво, а быстро меняется в зависимости от развития политической ситуации. В современном национал-большевизме заметны два основных направления: одно включает людей и организации, всерьез верящих в возможность возрождения России на основе коммунистической идеологии (Союз возрождения России А. Романенко, некоторые группы в РКП, в частности ленинградские «инициативники», и ОФТ); другое представлено государственниками, окрашенными в «розовые» цвета (ассоциация «Объединенный совет России»). Первое постепенно сходит на нет, и его «ренессанс» в прежнем виде кажется маловероятным.

Второе направление гораздо интереснее, поскольку здесь мы имеем дело с фактически правым движением, прикрывающимся левой идеологией. Оно включает в себя в первую очередь державников, сделавших ставку на коммунистическую партию как имперскую суперструктуру в надежде внести в нее свои идеи и повлиять на ее эволюцию таким образом, чтобы она превратилась в «русскую партию». По мере все более проявлявшейся неспособности коммунистов остановить углубляющийся кризис и перехватить политическую инициативу у своих либерально-демократических оппонентов, державники легко и безболезненно расставались со своими большевистскими иллюзиями, переходя на открыто националистические позиции и апеллируя к таким, на их взгляд, наименее эрозированным государственным структурам, как армия и КГБ.

Далее, что прагматично настроенные руководители РКП, осознавшие невозможность мобилизации широких масс под чисто красным знаменем, готовые окрасить его в национальные цвета и пойти на широкий союз со всеми державно ориентированными силами. В результате совместных действий летом 1991 г. впервые стали вырисовываться реальные контуры «правого» блока, до того бывшего, скорее, выдумкой прессы, чем реальностью. Первый направленный импульс его организации дала созданная по инициативе РКП конференция «За великую, единую Россию» (февраль 1991 г.), в результате которой был образован Координационный совет патриотических сил России во главе с Э. Володиным. Летом 1991 г. за дело взялся ГлавПУР, ставший главным организатором Всероссийского патриотического движения «Отчизна» (лидер генерал-лейтенант Б. Тарасов). К исходу лета определились некоторые составляющие «правого» блока: организаторский опыт, кадры, влияние, связи и, возможно, деньги РКП и ГлавПУРа; патриотическая и коммунистическая (преимущественно региональная) пресса — канал воздействия на общественное мнение; влиятельный националистический истеблишмент (В. Белов, Ю. Бондарев, Э. Володин, А. Проханов, В. Распутин) в качестве фигур прикрития и для привлечения общественности в массовое движение. Призывом к созданию последнего стало «Слово к народу».

Исчезновение компартии с политической карты России задержало, но не остановило формирование правого националистического суперблока. По-своему оно даже пошло на пользу националистам, поскольку избавило их от идеологических ограничителей и значительно расширило поле действий. По-видимому, в ближайшее время мы станем свидетелями создания влиятельных организаций, сочетающих национально-государственную идеологию с принципами социальной справедливости и популистскими социально-экономическими требованиями. Первой ласточкой можно считать недавно созданный по инициативе ряда депутатов всесоюзного и российского парламентов, в том числе одного из лидеров депутатской группы «Россия» С. Бабурина, Российский общенародный союз, провозгласивший в качестве своих программных приоритетов «патриотизм, народовластие, справедливость».

Картина русского национализма будет неполной, если не упомянуть об одной из его маргинальных, но, пожалуй, наиболее известных тенденций — антиссионистской, или «сионоборческой» (термин председателя Всесоюзного антифашистского центра Е. Прошечкина). Она представлена организациями, которые пресса и общественное мнение причисляют к русско-националистическим, но в действительности таковыми не являющимися (Всемирный антиссионистский и антимасонский фронт «Память» В. Емельянова, Координационный совет патриотического движения «Память» братьев В. и Е. Поповых, Союз за национально-пропорциональное представительство «Память» ныне покойного К. Смирнова-Осташвили и некоторые другие). Их главная цель, как следует из программных документов, а иногда даже из названия данных формирований, состоит не в русском возрождении, а в борьбе с сионизмом и масонством. Если же обойтись без эвфемизмов, то это откровенно юдофобские группы, прикрывающиеся флером националистической идеологии. Вместе с тем юдофобский импульс различной силы и в различных проявлениях прослеживается в идеологии, программах, агитационно-пропагандистской деятельности ряда, но далеко не всех, руссконационалистических организаций.

В начале статьи автор уже упоминал о потенциальной мощи русско-российского фактора, в значительной степени предопределяющего силу и влияние русского национализма. Однако существует и огромная притягательная сила национализма самого по себе. Во-первых, в условиях распада марксистско-ленинской идеологии и относительной слабости либерально-демократических идей национализм выполняет консолидирующую роль в разрозненном российском обществе, ищущем выход из кризиса на путях широкомасштабной модернизации. Во-вторых, ярко выраженная государственническая доминанта русского национализма оказывается особо привлекательной в период значительного ослабления и распада властных структур, нарастающего хаоса и накатывающейся волны преступности. В-третьих, если в СССР, где легитимизирующим фактором была идеология марксизма, русский национализм, как и любой национализм вообще, подрывая политическую стабильность, то в рамках национальной российской государственности он превращается в важнейший фактор политической стабильности. Особенно если вспомнить, что РСФСР, где русские составляют 81,5% всего населения, является одной из наиболее моноэтничных республик бывшего СССР, уступая в этом отношении лишь Армении.

Полнота самореализации русского национализма, формы и методы его проявления, политические перспективы зависят от ряда как внутренних факторов (способность выдвинуть ясные и привлекательные программы, наличие харизматических лидеров, национально-ориентированных интеллектуалов и материально-финансовых средств, возможность консолидации разрозненных групп), так и внешних по отношению к национализму обстоятельств (глубина и масштабы политического и социально-экономического кризиса, размеры и характер миграции, все больше напоминающей бегство, русского населения из бывших союзных республик в Россию, острота межнациональных противоречий в самой России, взаимоотношения между политическим руководством России, армией и органами правопорядка, с одной стороны, и русскими националистами — с другой). Сам автор склонен полагать, что в ближайшем обозримом будущем русский национализм может рассчитывать если не на всю полноту политической власти в России, то, по крайней мере, на соучастие в ней. Главный вопрос заключается в том, какой это будет национализм, какое из его течений окажется наиболее массовым и влиятельным.

© В. Соловей, 1992 5

онс, № 2